

МАССОВОСТЬ КАК ХАРАКТЕРИСТИКА СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

А.И. Абдула

Рассматривая современное общество как некую специфическую целостность, следует признавать за этой целостностью набор соответствующих ей характеристик. Эти характеристики выражают уникальные для данного типа общества явления, которые обуславливают его переход на новый уровень, делают непохожими на предшествующие формы социальной организации. В контексте анализа конкретного этапа развития социума определяющие феномены рассматриваются, как правило, в комплексе, с акцентом на каком-либо факторе, в зависимости от выбранной методологической установки. Одним из таких явлений, фигурирующих в экономическом, социокультурном, политическом, психологическом и иных ракурсах рассмотрения современного общества, является феномен массы.

По мере того, как масса приобретает субстанциальный статус, становится активным участником исторического процесса, массовость превращается в неотъемлемую характеристику современной цивилизации. С одной стороны, исследуя это явление, за точку отсчета можно взять XIX столетие — по мнению Х. Ортеги-и-Гассета лишь на этом этапе массы получили политическую свободу, что предопределило их выход на историческую арену [13, с. 51]. С другой стороны, проблематика массовости раскрывается в вопросах историчности массы, в специфике различных способов ее существования на определенных этапах исторического развития (см.: [21]). С этой точки зрения, история масс началась одновременно с историей человечества, а ранние формы массовости можно найти в отдаленном прошлом [7, с. 66]. Но какие бы ни были заданы временные рамки исследования,

его ключевым фактором остается универсальный характер проблемы массовости, ее включенность в различные контексты.

Фундаментальное значение имеют исследования данной проблемы в социальной психологии (Г. Лебон [9], Г. Тард [17], С. Сигеле [16], З. Фрейд [19]), выходящие за пределы исключительно психологического контекста и представляющие собой, в значительной мере, концепции социокультурные. В этом направлении разрабатываются такие ключевые категории как «масса», «толпа», «вождь», исследуется проблема соотношения массового и индивидуального, асоциальные аспекты поведения толпы и т. д. К политико-социальному направлению исследования феномена массы в рамках анализа легитимности, рациональности, политического процесса, и социальной структуры общества обращались западные социологи: Э. Дюркгейм [6], М. Вебер [5] и др. Можно выделить также технико-экономический аспект, который предполагает рассмотрение феномена массы в русле различных концепций индустриального и постиндустриального общества (Д. Белл [2], Э. Тоффлер [18] и др.). Близок к этому аспекту и марксистский подход, в котором проблеме значения и места масс в истории (не только в экономической, но и в иных сферах общественной жизнедеятельности) отводится значительная роль.

Если марксистское и неомарксистское осмысление масс предполагает перспективу перехода к новому типу общества путем преодоления отчуждения (К. Маркс [10]) или выхода за рамки саморазрушительной репрессивной цивилизации (Г. Маркузе [11]), то в экзистенциализме, философии жизни и некоторых других направлениях философии конца XIX — XX ст. будущее массового общества оценивается более пессимистично. Масса здесь воспринимается как симптом декаданса, упадка культуры (О. Шпенглер [23], Ф. Ницше [12]), бунта посредственности против элитарности (А. Шопенгауэр [22], М. Булгаков [4]). Отсюда же истекает еще ряд аспектов исследуемой проблемы: определение роли массы в формировании политических режимов (Х. Арендт [1], Э. Канетти [7]), специфики взаимоотношений массы и элиты, а также массы и индивида (Х. Ортега-и-Гассет [13]), которые предполагают, в свою очередь, необходимость оценки характера влияния масс на современное общество (С. Московичи [8]).

Из столь широкого спектра проблем, который, конечно, не исчерпывается приведенным выше описанием, хотелось бы выделить несколько наиболее острых и актуальных вопросов. Если признать, что масса породила не только потребительское общество, но и общества тоталитарного типа, то следует ли усматривать в ней постоянную, пусть

скрытую, угрозу рецидива? Тем более что подобная перспектива выглядит наиболее реальной там, где к ней существует исторически обусловленная «предрасположенность», то есть в тех обществах, где подобные явления уже проявлялись ранее. В связи с этим возникает необходимость философского осмысления того, что представляет собой масса сегодня, ответа на вопрос, подвержена ли она эволюции и изменчивости, и выяснения особенностей ее влияния на различные общества с учетом их социокультурной специфики. Эти и ряд других сопутствующих проблем станут предметом дальнейшего исследования.

Прежде всего, следует попытаться прояснить содержание понятия «масса», которое ассоциируется с разнообразными социальными явлениями, прежде всего, с феноменом толпы.

Так, для Х. Ортеги-и-Гассета, масса — совокупность лиц, не имеющих особых качеств, безличное большинство, «средний человек» [13, с. 18]. Такое количество, множество людей, воспринятое как целостность, переходит в качество, становится носителем особых свойств: «ничейности» и «отчуждаемости» [13, с. 18]. В свою очередь, толпа является лишь внешним выражением массы:

Толпа — понятие количественное и визуальное: множество. Переведем его, не искажая, на язык социологии. И получим «массу» [13, с. 17].

По мнению мыслителя, для восприятия массы, вовсе необязательно иметь дело непосредственно с толпой, достаточно одного ее представителя. Такой человек осознает свою похожесть, неотличимость от других, однако он не только не удручен, этим состоянием, но и доволен им [13, с. 18-19]. Каково же место таких людей в современном обществе? Современная реальность — полный захват массами власти (в широком смысле слова), и этот захват сопоставим с вторжением варваров: заполучив все блага цивилизации, массы не смогли должным образом оценить их, поскольку они малокультурны, эгоистичны и самонадеянны [13, с. 58-71]. Следует добавить, что породила этих «варваров» индустриальная цивилизация, которая требовала стандартизированной, единообразной рабочей силы, способствовала появлению отчужденного труда и формированию отчужденного человека (см.: [10], [18]).

Итак, масса может быть понята как отчужденный «средний человек», некое «множество» схожих, ничем не выдающихся индивидов, «атомов». В этом смысле, предпочтительнее говорить именно о массе, а не о толпе.

Толпу же следует рассматривать скорее как визуальное выражение массы, одну из ее форм, как временную совокупность равных,

анонимных, безличных людей, действующих эмоционально и спонтанно — «сорвавшееся с цепи социальное животное» [8, с. 7]. Толпа «обладает огромной силой», она буквально в состоянии «преодолеть любые препятствия, сдвинуть горы или уничтожить творения столетий» [там же]. Речь не идет о единичном или локальном явлении: по мнению С. Московичи, такие симптомы современной цивилизации как разрыв социальных связей, ускорение темпов жизни, увеличение скорости передачи информации формируют целые общества, в которых толпы играют ведущую роль, а человек утрачивает собственное «Я» [8, с. 6-7]. Однако следует учитывать, что понимаемая таким образом толпа, не просто визуализированная масса, которая существует как случайное собрание людей в определенном месте — ее формирование требует определенных условий. В качестве предпосылок формирования такой группы выделяют: определенное сходство интересов и настроений, однородность группы, заинтересованность в определенном объекте и т. д. [24, с. 27].

Значительная роль в характеристике общества (прежде всего современного) отводится формам, в которых специфика массы не обязательно проявляется в виде непосредственного выражения в форме толпы и зачастую имеет более высокий уровень организации. Действительно, массовый человек может быть определенным образом организован не только в толпе, но и в иных формах, при этом структура будет отражать специфику массы «атомов» из которых она состоит, хотя и получит новые черты. То есть, если понимать толпу как нестабильную массу, то ей может быть противопоставлена устойчивая масса, закрепленная в определенных социальных институтах [19, с. 69]. Соотношение между различными формами массы, переход между ними, является, на наш взгляд, ключевой проблемой исследования феномена массы и прояснения его сущности. Не случайно Э. Канетти использует понятие «масса» для характеристики целого спектра социальных явлений: спонтанных собраний, социальных институтов и даже наций [7]. В основе понимания «массы» Канетти также фигурирует идея однородности, взаимозаменяемости ее членов: масса начинается там, где исчезает дистанция между людьми и происходит «разрядка»: «все, кто принадлежит к массе, освобождаются от различий и чувствуют себя равными» [7, с. 27]. Визуализированная, «открытая масса», толпа, может, согласно Канетти, перерасти в «закрытую массу», которая отказывается от роста и делает упор на структуру. Эти закрытые массы постепенно перерождаются в социальные институты, такие как церковь или армия. Однако рамки структуры с трудом сдерживают

массу: происходит процесс «извержения» — масса вновь становится «открытой» толпой [7, с. 32-33].

Рассматривая массу в качестве основы современного общества, следует, видимо, более детально остановиться на том, что представляет собой наиболее примитивная, визуализированная форма массы — толпа, выяснить как и чем обеспечиваются ее сущностные отличия от суммы отдельных, составляющих ее индивидов. Ответ на этот вопрос может быть получен в рамках концепции Г. Лебона, согласно которой, вследствие реализации «закона духовного единства толпы», единичное растворяется в общем до такой степени, что образуется некая одухотворенная «целостность», «коллективная душа» [9, с. 131-132]. З. Фрейд придерживался иной точки зрения, выделяя в качестве основы процесса организации толпы «ликвидацию психической надстройки» и выход на первый план индивидуального бессознательного фундамента [19, с. 69]. Однако и Лебон, и Фрейд сходятся на том, что в «состоянии толпы» психика индивида подвергается радикальной трансформации. Происходит деградация личности до примитивного уровня, отключается критическое мышление, человек пребывает в возбужденном состоянии, которое легко передается от индивида к индивиду. В этом состоянии не воспринимается сложная аргументация, а действия осуществляются под влиянием простых идей, эмоциональных импульсов или команд, формулируемых вождем. Фигуре вождя принадлежит особая роль: он распространяет веру в определенную идею, «заражая» этой верой толпу, является центром, вокруг которого упорядочивается разнородная группа, буквально становится «основателем секты» [9, с. 193]. Согласно Лебону, под влияние вождя толпы или «вожака», может попасть практически каждый, независимо от своего социального положения. Это обусловлено тем, что вне сферы своей деятельности, своих интересов, множество людей не имеют ясно выраженных представлений, они не в состоянии управлять собой, и поэтому подчиняются «деспотичным вожакам» [9, с. 195]. Характеристика общества конца XIX века, которую дает на этом основании Лебон, предвосхищает высказывания мыслителей более позднего периода:

В настоящее время вожаки толпы все более и более оттесняют общественную власть, теряющую свое значение вследствие распрей. Тирания новых властелинов покоряет толпу и заставляет ее повиноваться им больше, чем она повиновалась какому-нибудь правительству [там же].

Массовое общество легко формирует толпы, оно создает для это-

го практически идеальные предпосылки. Однако может ли случиться так, что при определенных обстоятельствах, оно всецело превратится в толпу? В таком случае описанные выше состояния, характерные для толпы, управляемой «вожаками», будут относиться не к отдельному скоплению людей или специфической организации вроде церкви, но к обществу в целом. Превратившийся в вождя «вожак» должен особым образом распространять свое влияние (можно сказать, веру) на множество людей, предрасположенных к такому внушению. Возможность массового внушения, быстрого и всеохватывающего распространения вождями идей, можно объяснить фактором, который непосредственно связан со спецификой современной цивилизации. Речь идет о развитии средств массовой информации и, как следствие, превращении «массового человека» в «публику». На этом явлении в работе «Мнение и толпа» [17] акцентирует внимание один из основателей интерпсихологии Габриэль Тард. Он определяет публику как «чисто духовную совокупность, группу индивидуумов, физически разделенных и соединенных чисто умственной связью» [17, с. 259]. Возникновение публики, согласно Тарду, стало возможным благодаря распространению книгопечатанья (наиболее отчетливо этот эффект можно проследить на примере массового тиражирования Библии). Чем более доступными становились книги, а затем и газеты, охватывая все большее количество людей, тем более масса превращалась в публику (публика в политическом смысле этого слова возникла лишь к началу XIX века, когда пресса начала активно формировать общественное мнение) [17, с. 263-266]. Ставшая публикой толпа сохранила некоторые черты своей предшественницы, однако приобрела и ряд новых особенностей, обусловленных тем, что, по сравнению с толпой, публика представляет собой явление более высокого порядка. Сопоставляя толпу и публику, Тард отмечает, что толпа более эмоциональна, спонтанна, импульсивна, подчинена, как правило, какой-либо определенной идее, она полностью поглощает находящегося в ней человека. Публика же более терпима. Кроме того, человек может быть представителем сразу нескольких публик. Публика менее подвержена влиянию внешних факторов, таких например, как погодные условия; связи между составляющими ее людьми не такие тесные, как в толпе, не так сильно нивелируются индивидуальные различия и, что немаловажно, более устойчивыми являются критическое восприятие публики и ее скептицизм [17, с. 266-268].

Итак, современное общество — это не «общество-толпа», а скорее «общество-публика». В силу своих особенностей, публика приблизила

общество к состоянию толпы, но эта масса — не толпа в прямом смысле этого слова. Более того, у Тарда можно найти мысль о том, что общества, в которых ведущую роль играют толпы, противопоставляются обществам с развитой публикой [17, с. 266]. Однако то, что эти явления имеют общую природу, кажется вполне очевидным. Публика может превратиться в толпу, толпа же в современном обществе постоянно является публикой. Явления, связанные с развитием и распространением средств массовой коммуникации, которые лишь начали проявляться в XIX веке, в XX столетии приобрели статус социальных детерминант, а массовая пропаганда стала одной из неотъемлемых черт современного государства.

Тард критикует массовое общество независимо от его форм, ему представляется, что творческий потенциал человечества и сила прогресса обеспечиваются личностями, которые противопоставляются коллективу [17, с. 298]. В массовом обществе он, так же, как и Лебон, видит опасность для демократии, которая кроется «в постоянно возрастающей для мыслящих людей трудности не поддаться власти соблазнительной агитации» [там же].

Эти опасения в полной мере воплотились в реальность в XX столетии с приходом к власти тоталитарных режимов. Казалось, в этих обществах проявились наихудшие черты массовости, подходящие для описания преступной массы (публики, а затем и толпы), поскольку основу таких обществ составляла масса, под контролем вождя легко переходившая в возбужденное состояние. По мнению известного исследователя феномена тоталитаризма Х. Арендт, масса, как основа тоталитарного общества, имеет свои специфические черты. В такой массе происходит постоянное подавление индивидуально-личностного самосознания, нивелируются классовые различия, которые, так или иначе, сохраняются даже в состоянии «толпы» [1, с. 418]. Арендт обращает внимание на то, что интеллектуалы, на которых возлагались надежды в предотвращении перспективы появления таких обществ, зачастую способствовали ей, как способствовала этому процессу и взаимная изолированность индивидов [1, с. 419].

Конечно, подверженная тоталитарному контролю масса — это не толпа в прямом смысле слова, а скорее публика, специфическим образом «обработанная» и подготовленная. Это масса вне времени и пространства, искусственно поддерживаемая в таком состоянии не только средствами агитации и пропаганды, но и путем террора и всеохватывающего контроля со стороны вождя и государства. Что касается интеллектуалов и их роли в формировании тоталитарных государств, то

следует признать, что создание утопий, описывающих всевозможные проекты радикального преобразования общества — одна из излюбленных тем философии со времен античности. Однако, вспоминая, например, Платона с его проектом «идеального государства», не стоит забывать и Сократа — представителя мудрости совсем иного рода (см.: [15]). Эта мудрость заключается, прежде всего, в критике и в самокритике, как раз в том, что исчезает, растворяется в условиях тоталитарной толпы. В тоталитарном государстве масса поглотила и подавила этот интеллектуальный протест, поскольку массы слышали то, что хотели и что были готовы слышать. Этому способствовал и тот факт, что в обществе, где масса стала публикой, проще всего распространялись не знания или даже традиции, а поверхностные взгляды и убеждения, «мнения», как называет их Тард [17, с. 300].

Важно учесть, что, несмотря на то, что в глобальном масштабе допустимо говорить о «преодолении» тоталитаризма, во-первых, сохраняется постоянная угроза перехода любого массового общества в эту форму, в силу самой его природы, и, во-вторых, общества «пост-тоталитарного» типа более склонны к подобным трансформациям, поскольку они сохраняют в себе качества уже подготовленной, «обработанной» массы. Эта подготовленность определяет, на наш взгляд, низкий уровень сопротивления индивида внешним воздействиям, и, как результат, перспективу нового обращения общества в контролируемую публику или даже в преступную толпу. В более широком смысле есть основания говорить об определенной исторической и социокультурной предрасположенности перехода массового общества к деструктивным формам своего бытия (см., напр.: [3]).

Но можно ли утверждать, что тоталитарное общество — это «подлинно» массовое общество, и, в противовес ему, существуют общества, которым удалось избежать массовости или, хотя бы, сопутствующих ей негативных явлений, предположив, что в них победил индивидуализм, не состоялась «атомизация» либо интеллектуалы оправдали возложенные на них ожидания? Возможно ли, что в силу вступили иные факторы? Отвечая на эти вопросы, следует вспомнить, что характеристика современной цивилизации как массовой существовала и существует и вне критики тоталитарных режимов. Ее можно обнаружить, например, в рамках достаточно распространенной концепции «постиндустриального общества». По мнению Д. Белла, массовое общество начинается там, где исчезает социальная разобщенность, увеличивается концентрация и плотность населения, с помощью средств коммуникации активизируются контакты и взаимодей-

стве между людьми, происходит «сокращение расстояний» между ними [2, с. 423-424]. Описывая современное ему американское общество, которое он, безусловно, считает массовым, Белл отмечает фактор, связанный с его спецификой, который определил распространение политического насилия — фактор «утраты изолирующего пространства» [2, с. 425]. Суть его состоит в том, что благодаря средствам массовой информации происходит быстро распространяющаяся, буквально, «цепная реакция» публики на определенные события, что приводит к массовым конфликтам, которые при других обстоятельствах могли бы быть локализованы. Человек находится под постоянным давлением средств массовой информации, он страдает от «избытка информации», от стрессов, создаваемых бесконечными неожиданностями [2, с. 429].

Несмотря на всю критику, массовость современной цивилизации для Белла — свершившийся факт, который скорее подлежит исследованию, чем устранению, несет не только негативные, но и позитивные черты, такие, например, как возможность распространения «демократии соучастия» [2, с. 427]. Подобную мысль можно найти и у Ортеги-и-Гассета: он подчеркивает, что «отвергает и взгляд на современность, когда в господстве масс не видят ни единого доброго знака, и противоположный, когда блаженно потирают руки, умудряясь не вздрагивать от страха» [13, с. 24].

Э. Тоффлер, более того, говорит о перспективах «демассификации общества» в сфере труда, поскольку экономика больше не нуждается «в тысячах рабочих, выполняющих единообразную, стандартизированную, повторяющуюся работу» [18, с. 256-257]. На их место, по его мнению, должны прийти иные рабочие — изобретательные, индивидуалистичные и образованные [18, с. 258].

Но, наряду с критикой массового общества, принимающей это общество как должное, существует критика иного рода, которая признает несостоятельной всю западноевропейскую цивилизацию, называет ее путь ошибочным, тяготеет к ее преодолению в форме «подлинного», «гуманного», «нерепрессивного общества». Эта критика также важна, поскольку она, пусть и в более острой форме, реагирует на существующие проблемы, порожденные феноменом массовости. Основную идею, заключенную в этой критике, можно выразить с помощью высказывания Эриха Фромма:

Наше общество — это общество хронически несчастных людей, мучимых одиночеством и страхами, завистливых и униженных, склонных к разрушению и испытывающих радость от того, что им удалось «убить время», которое они постоянно пытаются сэкономить [19, с. 220].

В таком обществе чувства, потребности и мысли людей формируются средствами массовой информации, а сами люди — лишь «колесики в бюрократической машине [20, с. 216]. В этом смысле современное индустриальное общество представляется обществом тоталитарным, поскольку оно обладает всеохватывающим технико-экономическим контролем над потребностями масс [11, с. 266].

Согласившись, пусть даже отчасти, с подобной оценкой, допустимо задаться вопросом о перспективе «исправить» такое общество, «перевоспитать» массы, повернув их к более высоким, а значит более абстрактным, в противовес удовольствию или личному обогащению, целям. Отрицательный ответ может быть сформулирован в духе идей Ф. Ницше, утверждавшего, что «исправленный» зверь — это не более чем больной и испорченный зверь [12, с. 180-181].

Если же отвечать на поставленный вопрос утвердительно, приняв тезис о возможности гуманизации общества, духовного совершенствования человека, возможности его выхода за рамки массы, то следует задуматься о предпосылках такого преобразования. Речь идет о различных факторах: реформах, повышающих общий уровень жизни, и позволяющих человеку раскрыть свой потенциал, особых принципах воспитания и, даже, как это ни парадоксально, о религиозной вере, противопоставляемой десакрализации духовной жизни (см.: [14, с. 82]).

Выбор этих факторов определяется, по-видимому, спецификой конкретного общества и уровнем его развития. Определенную пользу в этом вопросе способна принести и философия, одной из задач которой может стать развитие критического мышления и распространение принципов критического разума [15], как защитного механизма, предотвращающего манипуляцию сознанием индивида. В условиях доступа к различным источникам информации реализация этой идеи могла бы способствовать духовному развитию человека. Однако вряд ли подобные преобразования возможны как результат радикальной перестройки всего мирового порядка, или его преодоления в духе некой утопии.

Несмотря на то, что современное общество быстро меняется, следует признать, что массовость остается одним из ключевых факторов, определяющих его развитие. Оценивая перспективы такого общества, следует учитывать, что его основу составляет масса, которая по своей сути пассивна, легко подвержена манипуляции и внешним воздействиям. Важно помнить, что эти воздействия могут нести всеохватывающий и деструктивный характер в тех обществах, где масса, в силу исторической предрасположенности, как умственно, так и эмоци-

онально походит на толпу, в которой нивелируются общечеловеческие ценности и нормы морали. Преодоление такого состояния путем постепенных социальных преобразований может выступать критерием прогрессивного развития общества в условиях его массовости.

Литература

- [1] *Арендт Х.* Истоки тоталитаризма. — М. : ЦентрКом, 1996.
- [2] *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. — М. : Academia, 1999.
- [3] *Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. — М. : Наука, 1990.
- [4] *Булгаков М.А.* Собачье сердце // Сочинения: в 10 т. — М. : Голос, 1995. — Т. 3. — С. 46-138.
- [5] *Вебер М.* Избранные произведения. — М. : Прогресс, 1990.
- [6] *Дюркгейм Э.* Социология. Ее предмет, метод, предназначение. — М. : Канон, 1995.
- [7] *Канетти Э.* Масса и власть. — М. : Астрель, 2012.
- [8] *Канетти Э., Московичи С.* Монстр власти. — М. : Алгоритм, 2009.
- [9] *Лебон Г.* Психология толп // Психология толп. — М. : Институт психологии РАН, КСП+, 1998. — С. 15-256.
- [10] *Маркс К.* Капитал: критика политической экономии // Соч. в 50 т. — М., 1960. — Т. 23. — С. 5-900.
- [11] *Маркузе Г.* Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества. — М. : АСТ, 2003.
- [12] *Ницше Ф.* Падение кумиров, или о том, как можно философствовать с помощью молотка // Сочинения: в 5 т. — СПб. : Азбука, 2011. — Т. 5. — С. 149-227.
- [13] *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс. — М. : АСТ, 2003.

- [14] *Погорельчик А.В.* Массовое общество: сущность и эволюция // Вестник ВГУ. Серия «Философия». — 2013. — № 1. — С. 72-88.
- [15] *Поппер К.* Открытое общество и его враги : в 2 т. — М. : Феникс, 1992.
- [16] *Сигеле С.* Преступная толпа. Опыт коллективной психологии. — М. : Академический проект, 2011.
- [17] *Тард Г.* Мнение и толпа // Психология толп. — М. : Институт психологии РАН, КСП+, 1998. — С. 257-408.
- [18] *Торфлер О.* Будущее труда // Новая технократическая волна на Западе. — М. : Прогресс, 1986. — С. 250-276.
- [19] *Фрейд З.* Психология масс и анализ Я // Сочинения: в 10 т. — М. : СТД, 2007. — Т. 9. — С. 61-125.
- [20] *Фромм Э.* Забытый язык. Иметь или быть? — М. : АСТ, 2009.
- [21] *Хевеши М.А.* Толпа, массы, политика: Ист.-филос. очерк. — М. : Институт философии РАН, 2001.
- [22] *Шопенгауэр А.* Афоризмы житейской мудрости. — М. : АСТ, 2011.
- [23] *Шпенглер О.* Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 1. Гельштат и действительность. — М. : Мысль, 1998.
- [24] *McDougall W.* The Group Mind. — Cambridge : Cambridge University Press, 1927.

Надійшла до редакції 4 серпня 2014 р.